

Forum AI: In Search of “Natural Boundaries” of Russia’s Central Asia / В поисках “естественных границ” российской Средней Азии, Ab-Imperio, 2014, n° 2.

Теория “естественных границ” и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): Автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана

[Светлана Горшенина](#)

From: [Ab Imperio](#)

[2/2014](#)

pp. 102-165 | 10.1353/imp.2014.0046

Abstract

SUMMARY:

This is a microhistory of the decision making leading to the conquest of Kuldja (Ghulja) by the Russian troops in 1871–1881. Svetlana Gorshenina deconstructs different understandings of the theory of a “natural border” that influenced the changing opinions of the Petersburg military and diplomatic elites, colonial administrators of Turkestan and Central Asia, and military commanders on the ground. The article presents a nuanced and multilayered picture of the discursive reality behind the conquest of Kuldja, thus explicating a complex mechanism of interaction of the metropole and peripheral actors, the role of local versus universal knowledge, and the influence of diplomatic considerations vis-à-vis Europe and China.

The study is based on archival documents assembled in the course of 1901–1905 by the military engineer, lieutenant colonel Andrian Serebrennikov, for the *Collection of Materials for a History of the Conquest of the Turkestan Region*. The Kuldja-related documents of the collection remained unpublished and are now preserved in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan.

РЕЗЮМЕ:

Статья посвящена реконструкции на уровне микро-истории принятия решения о захвате Кульджи российскими войсками в 1870-1871 гг. и легитимизации этого акта. Анализируя через призму теории «естественных границ» поэтапные изменения позиций военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга, высшей колониальной администрации Туркестана и Сибири, и командиров приграничных областей, автор стремился понять, насколько важной была эта теория для прикладной политики и как аргументация, связанная с ней и нередко противоположная, проявилась в формировании мотивации (не-)необходимости военной аннексии Или.

Благодаря реконструкции «голосов» основных протогонистов более понятными становятся различные формы социального взаимодействия российских элит метрополии и периферии, роль источников и уровня информированности принимающих решения, специфика дискуссий в различных частях империи, ход изменения мыслей и планов акторов в зависимости от конъюнктуры и от взаимодействия с внешним фактором – Европой.

Предлагаемое прочтение начала «илийского кризиса» выстроено главным образом на архивной документации, сгруппированной в 1901-1915 гг. в рамках *Сборника*

материалов для истории завоевания Туркестанского края военного инженера подполковника Андриана Г. Серебренникова (1863-1919), неопубликованные кульджинские тома которого находятся в Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан.

Russia, Khoqand, and the Search for a “Natural” Frontier, 1863–1865

[Alexander Morrison](#)

From: [Ab Imperio](#)

[2/2014](#)

pp. 166-192 | 10.1353/imp.2014.0051

Abstract

SUMMARY:

Russian expansion into Central Asia in the nineteenth century is usually seen either as the product of lobbying by big capitalist interests in Moscow or as a wholly unplanned process driven by “men on the spot” who slipped beyond St. Petersburg’s control. This article is a microstudy of one of the campaigns that immediately preceded the fall of Tashkent in 1865, during which Russian forces under General M. G. Cherniaev united the Orenburg and Siberian “lines” of fortification to create what was meant to be a permanent new frontier on the steppe. It demonstrates that neither of these explanations is satisfactory – economic calculations played a minor role in Russian decision making, while there was an authorized plan for expansion in the region. However this plan rested on the premise that the Russians could identify a “natural” frontier in the region, marked by a river, watershed, or mountain range. The instructions given to Cherniaev and other “men on the spot” reflected this, but a lack of detailed geographical knowledge meant that these orders were often contradictory or impossible to fulfill. It was this that allowed Cherniaev to determine the timetable (though not the direction) of Russian expansion, and that would see the fall of Tashkent in June 1865.

РЕЗЮМЕ:

Обычно российская экспансия XIX в. в Среднюю Азию рассматривается как результат лоббирования крупных московских капиталистических кругов либо как совершенно стихийный процесс, двигателями которого были местные деятели, ускользавшие из-под контроля Петербурга. Настоящая статья представляет собой микроисследование одной из военных кампаний, непосредственно предшествовавших падению Ташкента в 1865 г. В ходе этой кампании российские силы под командованием генерала М.Г. Черняева соединили Оренбургскую и Сибирскую оборонительные линии с целью создания постоянной степной границы. Исследование выявило неадекватность принятых объяснительных моделей: экономические соображения играли минимальную роль в решениях, принимавшихся российской стороной. В то же время не существовало и никакого официально одобренного плана продвижения в регионе. Решения участников кампании основывались на представлении о наличии там “естественной границы”, которая бы обозначалась рекой, неким водоразделом или горной цепью. Эти представления обнаруживаются в инструкциях сверху Черняеву и прочим “деятелям на местах”. Однако недостаток географических знаний о регионе predetermined противоречивость инструкций и даже невозможность их реализовать. Именно нечеткость поступавших сверху указаний стимулировала Черняева к самостоятельному

планированию графика наступления (но не его направления), в соответствии с которым в июне 1865 г. пал Ташкент.

Life on the Edge: Border-Making and Agrarian Policies in the Aim District (Eastern Fergana), 1924–1929

[Beatrice Penati](#)

From: [Ab Imperio](#)

[2/2014](#)

pp. 193-230 | 10.1353/imp.2014.0056

Abstract

SUMMARY:

In 1927 the Aim canton, which the national delimitation of 1924 had assigned to Kyrgyz Republic, was split in two parts, the larger of which was assigned to the Uzbek SSR. Besides the intrinsic interest of such a redefinition of the frontier, this had the important consequence of precipitating a sort of micro-land reform for this handful of villages only (as Fergana had already undergone) on the basis of a specific decree. First, by projecting the petitions and decisions on the “correction” of the border against this socioeconomic background, the article demonstrates the spread of discursive tropes pertaining to Soviet-style economic development in shaping the “nationalist” rhetoric of a variety of local actors, and argues that such tropes were decisive in making this rhetoric acceptable. Second, by exploring the special case of Aim, which generated abundant documentation, this article reveals the decision-making process at the basis of the land reform, both in general and in this specific locality. In particular, the author highlights the distance between the initial plans and achievements, and manipulations with social categories.

РЕЗЮМЕ:

Статья посвящена эпизоду национально-территориального размежевания среднеазиатских республик СССР в 1920-х гг. В 1927 г. часть территории, вошедшей в качестве кантона в Киргизскую АССР при разграничении 1924 г., была передана в состав Узбекской ССР. Помимо самой проблемы уточнения границ, особый интерес представляет земельная микрореформа, проведенная в пределах нескольких кишлаков, вошедших в состав Узбекской Республики, на основании специального декрета. Обращения с предложениями об исправлении границ и принятые на их основе решения рассматриваются в широком социально-экономическом контексте, что позволяет выявить роль советских дискурсов экономического развития в формировании националистической риторики на местах. Сама эта риторика становилась приемлемой для советской власти благодаря опоре на аргументы экономического характера. Рассмотренный в статье частный случай, хорошо документированный в источниках, позволяет также изучить процесс принятия решений по поводу проведения земельной реформы как в данном конкретном случае, так и в целом. В качестве характерных черт этого процесса автор называет разрыв между первоначальными планами и их воплощением на практике, а также манипулирование социальными категориями.

Roads of Hope and Dislocation: Infrastructure and the Remaking of Territory at a Central Asian Border

[Madeleine Reeves](#)

From: [Ab Imperio](#)

[2/2014](#)

pp. 235-257 | 10.1353/imp.2014.0032

Abstract

SUMMARY:

In contemporary Kyrgyzstan, where until the late 2000s the only asphalt road in the southwest of the country ran across the borders of neighboring Tajikistan and Uzbekistan, the construction of “bypass roads” that create loops around the territory of the neighboring state have become crucial to the imagination and material articulation of territorial integrity. In a region where large tracts of the border await conclusive delimitation, the construction of bypass roads has also proved to be politically contentious. Drawing on ethnographic research in a region of recent and prospective road construction, this article considers the ambiguous affects elicited by new road infrastructures in a region characterized, since the 1930s, by land exchanges and repeated attempts at territorial re-delimitation. Drawing together debates about infrastructural “enchantment” with recent work on the affective potentials of place, the article explores how past projects of spatial transformation haunt new initiatives to transform landscapes. It considers how the multiplicity of political projects layered on the landscape generates the affective qualities of the prospective road as a space, at once, of hope and of dislocation.

РЕЗЮМЕ:

До конца 2000-х гг. единственная асфальтированная дорога на юго-востоке Киргизстана проходила через границы соседних государств Таджикистана и Узбекистана. Начавшееся в 2000-х строительство объездных дорог, которые бы огибали территорию соседних государств, стало критическим моментом формирования воображения и материальным выражением территориальной целостности. Более того, в регионе, где значительные участки границы все еще нуждаются в окончательной делимитации, строительство объездных дорог оказалось политически взрывоопасным предприятием. Статья Мадлен Ривз представляет результаты этнографического исследования в регионе начавшегося и планирующегося дорожного строительства. Автора интересует неоднозначное воздействие дорожного проекта в крае, который с 1930-х гг. характеризовался земельными обмены и постоянными попытками территориального передела. В свете дискуссий об “очаровании” инфраструктуры и новых работ об аффективном потенциале места Ривз рассматривает, как прошлые проекты пространственной трансформации сдерживают нынешние инициативы переопределения пространства и как наложение политических проектов на ландшафт формирует аффективные свойства планирующейся трассы как одновременно пространства надежды и дислокации.